

С. Ю. ВИТТЕ, М. П. ДРАГОМАНОВ
И «ВОЛЬНОЕ СЛОВО»

(По поводу одного документа из архива М. К. Лемке)

В 1912—1914 гг. в литературе по истории русского революционного движения и в периодической печати («Русская мысль», «Современник», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Современный мир») развернулась полемика вокруг деятельности «Святой Дружины» — конспиративного сообщества для борьбы с революционерами, существовавшего в 1881—1882 гг. Предметом этой полемики оказалась деятельность «Дружины» в сфере литературной провокации, в частности характер издававшейся «Дружиной» в Женеве газеты «Вольное слово» и роль в этом издании различных лиц (провокационный характер другого женевского издания «Дружины», носившего название «Правда», был тогда уже несомненен). Полемика велась в сущности вокруг двух вопросов: имел ли М. П. Драгоманов, сначала фактический, а затем и официальный редактор «Вольного слова», истинное представление об этом издании и существовал ли в действительности Земский союз, органом которого оно себя объявляло. Оба эти вопроса были тесно связаны между собою: если Земский союз на самом деле существовал и «Вольное слово» было его органом, то позиция Драгоманова не нуждалась в оправданиях. Если же Земский союз признавался фиктивным, то поведение Драгоманова могло быть оправдано лишь добросовестным заблуждением. Когда известный историк народничества В. Я. Богучарский, появление книги которого «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в.» (М., 1912) и послужило причиной

полемики, заявил, что Драгоманов де был заведен в «дремучий лес», то даже эта осторожная формула вызвала резкие возражения со стороны Б. Кистяковского, утверждавшего, что Земский союз был реально существовавшей организацией.¹ В полемике высказывалось даже предположение, что Земский союз был связан с «Дружиной» через якобы существовавшее в ней конституционалистское течение в лице одного из ее руководителей П. П. Шувалова. Эта легенда приводилась в оправдание установленной в литературе на основании свидетельств очевидцев связи Драгоманова с Шуваловым и человеком по кличке «Антихрист», посещавшим Драгоманова в Женеве и финансировавшим издание «Вольного слова» (существовало мнение, что эта кличка принадлежала самому Шувалову).²

В самый разгар этой полемики в газете «Русское слово» появилась статья, в которой в качестве инициатора создания «Дружины» был назван человек, прежде вообще никогда и никем не упоминавшийся в связи с «Дружиной», — С. Ю. Витте. Статья эта называлась «„Священная дружина“ и газета „Правда“», под ней стояла подпись «А. Р-ов». В двух местах своей статьи А. Р-ов заявлял, что пользуется не изданными еще материалами. Факты, приведенные А. Р-овым на основании этих материалов, относились только к роли Витте в организации «Дружины» и его деятельности в качестве дружинника.³ С изданиями «Дружины» имя Витте никак не связывалось. Источника своих сведений А. Р-ов не назвал. Но после смерти Витте в марте 1915 г. в одной из посвященных ему статей в этой же газете «Русское слово» появилось указание на то, что сведения о Витте автор статьи получал от него самого.⁴ О деятельности Витте в «Дружине» в этой статье сообщалось то же, что было напечатано в 1913 г. Подписал эту статью на сей раз своим полным именем А. В. Руманов, петербургский корреспондент «Русского слова», услугами которого Витте систематически пользовался для помещения различных инспирированных статей. Появившиеся же в 1921—1922 гг. «Воспоминания» Витте дают возможность установить, что Руманов воспользовался относящейся к «Дружине» частью «стенографических диктантов» Витте, которые были к 1913 г. как раз окончены и о существовании которых Руманов сообщил в своей статье в 1915 г.⁵

¹ Б. Кистяковский. Страницы прошлого. М., 1912.

² В. Богучарский. Земский союз или Священная Дружина? Русская мысль, 1912, № 9, стр. 85—86. На самом деле этой кличкой пользовались несколько человек. В одном из писем к Драгоманову, сохранившихся в копиях в его архиве, первый официальный редактор «Вольного слова» А. П. Мальшинский писал: «Когда Вы получите это письмо, то, вероятно, уже будете видеться с кем-либо из антихристов» (ЦГАЛИ, ф. 1065, оп. 4, д. 5, л. 128).

³ Русское слово, 1913, 20 июня (3 июля).

⁴ Русское слово, 1915, 1 (14) марта.

⁵ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. I. М., 1960, стр. 523, коммент. 30.

Посвященный «Дружине» текст Витте составил главу восьмую первого тома — «О сообществе Святая Дружина и моем участии в нем». Участие Витте в «Дружине» представлено им в мемуарах как случайный и даже курьезный эпизод в карьере начальника эксплуатации Юго-западных железных дорог.⁶ Всячески афишируя свою инициативу в создании «Дружины», Витте рассматривал вопрос об ее организации вне всякой связи с борьбой в придворных кругах накануне 1 марта 1881 г. и с их реакцией на убийство Александра II, хотя несомненно, что он был об этом весьма осведомлен. Достаточно обратиться к письму, полученному Витте от генерала Р. А. Фадеева и содержавшему извещение о том, что предложение Витте о создании «Дружины» передано Александру III.⁷ Как видно из этого письма, убийство Александра II было наруку той группе его приближенных, которая противостояла влиянию княгини Юрьевской и ее сторонников. «Я спрашивал людей, самых близких покойному государю, — писал Фадеев, — постигают ли они продление прошлого царствования на 10 лет и что из нас вышло бы в таком случае? Они ответили в один голос, что не постигают». Для людей этой группы 1 марта означало прежде всего предотвращение висевшей над ними угрозы назначенного на август коронавания княгини Юрьевской. «Об этом не нужно говорить, чтобы не ослабить сокрушающего впечатления, которое может в текущее время объединить и скрепить нравственно Россию, — предостерегал Витте Фадеев. — Но там, выше, где управляют участью земной, лучше знают, что и для чего делается».⁸ Что касается происхождения «Дружины», то не ясно ли в этом свете, что возникла она из стремления утвердившихся у власти крайних реакционеров воспользоваться событием 1 марта, чтобы «скрепить нравственно Россию», т. е. поставить борьбу с революционным движением на широкую ногу.

Итак, Витте хорошо усвоил предостережение Фадеева и даже много лет спустя в своих мемуарах свел всю историю происхождения «Дружины» к собственной верноподданнической инициативе.⁹

Рассказ о своей деятельности в «Дружине» Витте в сущности ограничивает поездкой в Париж для убийства по заданию «Дружины» народовольца Гартмана, да и этот эпизод изложен так, что достоверность его сомнительна.

Между тем деятельность Витте была значительно шире и многообразнее. Являясь в «Дружине» главным по Киевскому району, Витте числился «братом» под № 113 и непосредственно возглав-

⁶ Там же, стр. 134.

⁷ Там же, стр. 521—522, коммент. 28.

⁸ Там же.

⁹ О том, что он сам понимал смысл сообщенного ему Фадеевым, свидетельствуют его нарочито отвлеченные рассуждения о княгине Юрьевской в связи с 1 марта (там же, стр. 93).

лял «пятерку» «братьев» под №№ 146—150.¹⁰ Сразу же после вступления в «Дружину» Витте занялся в Киеве агентурной деятельностью, о результатах которой доносил «набольшому» «Дружине» И. И. Воронцову-Дашкову. Одно из донесений Витте от 25 августа 1881 г., сохранившееся в архиве «Дружины», полностью привел в своей оставшейся неизданной книге о «Святой Дружине» известный публикатор и исследователь М. К. Лемке.¹¹ Витте сообщал агентурные сведения об общем политическом положении на юге России, описывая происходившие там события в таком же махрово реакционном духе, в котором позже выступали черносотенцы. Сделав донос на газету «Одесский листок» («в ней между строк пропагандировались нигилистические воззрения»), Витте сообщал о своих неудачах в вербовке «дружинников» ввиду того, что существование тайного сообщества получило довольно широкую огласку. В частности, разразился скандал, вызванный неким дружинником, содержанием конторы в Киеве, пытавшимся завербовать в «Дружину» киевского полицмейстера.¹²

Но об одной из сторон своей деятельности в «Дружине» Витте вовсе умолчал в мемуарах, намеренно сведя функции «Дружины» к дублированию полицейского сыска. Получалось так, что ни он сам, ни «Дружина» в целом к литературно-провокационной деятельности вообще не были прикосновенны. Между тем Витте, обладавший определенными связями в литературно-общественных кругах Одессы и Киева,¹³ известный на юге своим участием в славянском движении, оказался, как мы сейчас увидим, в гуще литературной провокации «Дружины». Поскольку он не выступал на страницах провокационных изданий, по крайней мере под собственным именем, Витте был уверен в невозможности для кого бы то ни было обнаружить его роль в этом деле. Доказательств на этот счет, действительно, ни у кого не было. Даже М. К. Лемке, специально для написания своей книги о «Дружине» тщательно обследовавший несколько архивов, ни в одном из них не нашел никаких следов участия Витте в литературной провокации. Если бы не случайное обстоятельство, роль Витте в издании «Вольного

¹⁰ В архиве Витте сохранилась копия присяги со следующими записями: «Воронцов 110. Мой № 113. Вяземский — 111. Зограф — 112. Моя пятерка №№ 146—150—5, последующая 311—355—25, 1136—1260—125., 5259—5883» (ЦГАИ СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 461).

¹¹ Рукопись Лемке хранится в ИРЛИ (ф. 661, оп. 1, д. 16).

¹² М. К. Лемке. Рукопись «Святая Дружина», стр. 255 и сл.; донесение Витте см.: ЦГАОР, ф. 1766, оп. 1, д. 1, лл. 38—40. Описание этого эпизода дает возможность понять смысл двух совершенно неясных упоминаний о нем, содержащихся в «Воспоминаниях» Витте (т. I, стр. 130, 134).

¹³ Судя по воспоминаниям А. Е. Кауфмана, Витте писал в 70-х годах передовые статьи и фельетоны под псевдонимом «Зеленый попугай» в одесской газете «Правда», сотрудничал в газете «Новороссийский телеграф» (Биржевые ведомости, 1909, 19 июня (2 июля); Исторический вестник, 1915, апрель, стр. 226).

слова» осталась бы тайной и для Лемке. Завершив работу над рукописью о «Дружине», Лемке выступил в Доме книги в Петрограде (очевидно, в 1920 или 1921 г.) с авторефератом на эту тему. Один из слушателей, Я. И. Пашковский, предложил ему для ознакомления собрание писем различных лиц к С. Ю. Витте. Это была «большая толстая тетрадь», купленная в начале 1919 г. в Петрограде на одном из толкучих рынков. На ее корешке стояли инициалы «С. В. и цифра „17“». ¹⁴ Среди прочих писем в этой тетради находилось письмо М. П. Драгоманова к Витте от 15 мая 1882 г., которое мы приводим полностью по копии, снятой М. К. Лемке собственноручно, с раскрытыми им сокращениями. ¹⁵

«Глубокоуважаемый Сергей Юлиевич,

Вы довольно настойчиво бомбардируете меня последнее время Вашими как всегда интересными письмами, ¹⁶ а я довольно неучтиво отмалчиваюсь — видно Вы думаете; нет, просто не успеваю так присесть, чтобы никто не помешал. В нашем деле личные друзья, получившие право неожиданно приходить на дом, не очень-то способствуют спокойной деловой корреспонденции.

Сегодня отпечатан первый полностью мною редактируемый №, — событие в жизни др. (Дружины, — М. Л.), моей личной и А. П. (Мальшинский, — М. Л.). Конечно, что не то важно, что я отдал себя еще и этому предприятию, а то, что теперь следует быть постоянно и без перерыва настороже, надо всю свою память и даже частью личную

¹⁴ Я. И. Пашковский сообщил Лемке, что он намерен передать свое приобретение в польский музей в Рапперсвиле (Швейцария). Музей этот, перевезенный в конце 20-х годов в Польшу, погиб во время Второй мировой войны. Отметим, что при обработке в 1924 г. поступившего в Централхив личного фонда С. Ю. Витте среди прочих видов единиц хранения, содержащих преимущественно документы служебного или официального характера («папка», «картон», «дело»), были описаны два «регистратора» — № 3 (Письма Витте жене и ей же от других лиц) и № 5 (Письма к Витте), а также специальное дело с копиями писем из «регистратора» № 6 (Опись фонда С. Ю. Витте — 1622, в ЦГИАМ СССР). Описание этого фонда, недавно переведенного из ЦГИАМ СССР в ЦГИА СССР, см. в нашей статье «Опыт критики мемуаров С. Ю. Витте» (в сб.: Вопросы историографии и источниковедения истории СССР, М.—Л., 1963). Не представляла ли собой купленная на толкучем рынке «большая толстая тетрадь» с цифрой «17» и инициалами «С. В.» один из отсутствующих в фонде Витте «регистраторов»? Кстати сказать, переписка Витте за 70—80-е годы, в частности связанная с его железнодорожной деятельностью, в нынешнем его фонде фактически отсутствует.

¹⁵ М. К. Лемке. Рукопись «Святая Дружина», лл. 882—885. В примечании к письму Лемке отметил: «Почерк Драгоманова вне всяких сомнений».

¹⁶ По свидетельству болгарского литературоведа и историка Шишманова, который был зятем Драгоманова и унаследовал его архив, большое количество документов этих лет было уничтожено самим Драгомановым (И. Д. Шишманов. Конституционная записка графа Шувалова. Вестник Европы, 1913, кн. 8, стр. 137). В дошедших до нас частях этого архива (ЦГАЛИ, ГБЛ) писем Витте не обнаружено. Судьба бумаг Драгоманова, попавших в 1930 г. в Варшаву («Архив М. Драгоманова», т. I, Варшава, 1938), неизвестна.

жизнь перестраивать или — как бы это сказать — подгонять к постоянной „роли“, не переборщить, ни недоговорить с людьми и здешними и нападающими на Женеву, как горная тучка. З. С. (Земский союз, — М. Л.) может быть широкой очень прочной и надежной, только при такой же подгонке (не найду слова!) и со стороны А. П., Вашей и П. П. (Шувалов, — М. Л.), главное же — и вот это-то больше всего меня сверлит — *набольшого* (звание Воронцова-Дашкова в Св. Дружине, — М. Л.). Извините мне мою откровенность: я не слишком уверен в его способности молчать в разных сложных положениях, создаваемых ежечасно его официальным положением.

Вести журнал мне нетрудно — травленный волк, привык, ведь и доньне ни одна строка не печаталась без моего гласия. Воздаю дань глубокой признательности А. П.: он ни одной мною забракованной строчки (даже самого П. П.) не тиснул, ни одного нарушения наших соглашений за все время не позволил себе. Дело не [в] трудности редактирования и не в ответственности, а в той „роли“, которая теперь будет ко многому обязывать, многому мешать. Один наш (чигиринский) клоповник чего стоит! Прощай теперь и моя научная работа — публицист, газетчик иначе ко всему подходит, иначе все оценивает.

Я знаю, Вы повторите Ваше успокоение: „... и во многом облегчит, устраняя нерешительность, двойственность, очень нежелательную именно теперь, когда правит[ельство] нуждается в общей атаке“. Я понимаю, что др. взяла на себя тяжелое бремя, готов быть всячески полезным, но пусть поймут же и меня, а затем внушат это понимание П. П.

Сам человек очень ловкий, практичный, он не понимает, что прочим при меньшей от природы ловкости надо все время напрягаться и опять, как сказал, подгоняться.

З. С. касательно правдоподобности меня не беспокоит — уж Вы то там сумеете его раздуть, но, между прочим, и здесь случиться могут неожиданные осложнения. Представить только, что я скажу южанам, которые сами хитры, как бесы. Давайте побольше начинки, тогда пирог можно подать к столу, не коаснея. В. С. («Вольное Слово», — М. Л.) должно быть за П. П., как за стеной. Правда — ложь во спасение, но до тех пор, пока она имеет все шансы походить на правду.

Пишу, а сам все еще бросаюсь по шкапам и столам и вот уже второй день ищу затерявшийся куда-то шифр. Из дома не выходил, спокоен, но, однако, я и жена обили все руки, а найти его не можем.

Ну, значит, кое-что принужден отложить пока — так писать не рискую.

Сейчас принял решение: это письмо Вам доставит N (? — М. Л.). Если бы я даже потом нашел шифр, то все-таки пользоваться им больше не буду и жду от Вас другой, не очень только мудреный. Прошу Вас верной оказией уведомить о том и П. П.

А. П. имеет шифр, но я ему ничего не скажу — по своей пугливости он создаст большой переполох. Да теперь нам и неудобно писать по одному рецепту.

Пишу, а сам все прислушиваюсь. Ведь, кроме А. П., так доньине никто и не догадывается, что я делаю... Вот судьба, о которой так любит философствовать Ю. М. (? — М. Л.), что она откалывает! А сам вижу, что „наше место свято“, что наше дело государственно важно, славянски велико, что истина никогда не бывает ясна многим, постоянно оставаясь в умах немногих. Позвольте на этом пока поставить точку. Я знаю, что Вы уже улыбаетесь, Вы — милейший из реалистов нашего времени. Примите же за это мой поклон.

Искренно Ваш Михманов.¹⁷

Р. S. небольшой, мужской: N получает не шифр, а „фотографию какую-то“, которую, впрочем, можно при надобности перегнуть пополам (сак небольшой). Вы для N то лицо, которое значится на конверте. Чтобы не сбиться, сохраните последний до выезда N. Главнейше не забудьте, что на этот раз Вы не „Антихрист“, а именно „Вольтман“.

Итак, одним из таинственных «антихристов» был, оказывается, Витте, который, если судить по его воспоминаниям, занимался в это время за границей сочинением своей книги о теории железнодорожных тарифов, публиковавшейся в течение 1883 г. в киевском журнале «Инженер».

Но каково же значение этого письма в имеющем столь длительную историю споре о характере деятельности Драгоманова в «Вольном слове»?¹⁸

Обоснованность подозрений насчет того, что «Вольное слово» в действительности было органом «Дружины», стала очевидной после опубликования в 1916 г. дневника одного из «дружинников» — В. Н. Смельского.¹⁹ Опубликованная П. А. Садиковым в 1927 г. «Отчетная записка» о деятельности «Дружины» за 1881—1882 гг.²⁰ не только подтвердила это своими сведениями

¹⁷ Михманов — имя искусственное, составное: Михаил Драгоманов (прим. М. К. Лемке); после «Р. S.» в копии, очевидно, пропущено слово «сак».

¹⁸ Надо сказать, что Лемке отвергал версию о заблуждениях Драгоманова, и не располагая его письмом к Витте. Включив это письмо в уже законченную рукопись, он лишь придал большую определенность своим утверждениям относительно Драгоманова в различных ее местах.

¹⁹ 24 ноября 1881 г. Смельский записал рассказ Шувалова о происхождении «Больного слова» (см.: Голос минувшего, 1916, № 2, стр. 157).

²⁰ Красный архив, т. 2 (21), 1927, стр. 200—217.

обо всей литературной деятельности «Дружины», но и засвидетельствовала фиктивный характер Земского союза. Однако роль Драгоманова в «Вольном слове» оставалась по-прежнему до конца неясной несмотря на то, что Д. И. Заславский, который занимался и историей «Дружины» и биографией Драгоманова, прямо писал по поводу этого эпизода из жизни Драгоманова, что «перейдя в либеральный лагерь», он «докатился до прямой связи с придворными провокаторами».²¹ Но и Д. И. Заславский склонялся к той точке зрения, что Драгоманов «был только игрушкой и не понимал, как играет его именем провокаторская братия». Д. И. Заславский считал, в частности, что Драгоманов «верил в существование Земского союза», и упрекал его лишь в том, что он не проявил «необходимой политической и общественно-моральной бдительности».²² Приведенное выше письмо Драгоманова содержит, как нам кажется, некоторый новый материал для понимания его роли в этих событиях (разумеется, отсутствие подлинника осложняет положение исследователя). Однако и оно до конца не раскрывает мотивы поведения Драгоманова, и последнее слово в решении этого вопроса остается за исследователями, специально занимающимися изучением его общественно-политических взглядов. Но как бы то ни было, письмо Драгоманова не оставляет места для иллюзий насчет его заблуждений. Судя по письму, его автор — один из активных соучастников сокрытия «Дружины» за «ширмой» Земского союза, не только не обманывался относительно истинного характера этой мифической земской организации, но и был заинтересован в максимальной ее «правдоподобности». Ведь «Вольное слово» объявило себя в № 37 органом Земского союза. Этим и можно объяснить требование «раздуть» фиктивный союз и с помощью «подгонки» сделать «ширму» «прочной и надежной». Из письма явствует, что в издании «Вольного слова» с самого его начала Драгоманов играл не меньшую, если не большую, роль, чем А. П. Мальшинский, связь которого с Третьим отделением была хорошо известна («и доньне ни одна строка не печаталась без моего согласия»). Упомянутый Драгомановым первый номер, вышедший «полностью» под его редакцией, — № 37, означал некоторое изменение в задачах, которые ставила «Дружина» перед этим изданием. Весной и в начале лета 1882 г. «Дружина» решила в связи с подъемом земского движения перепробовать наиболее активных земцев «на оселке благонадежности». К этому времени «Вольное слово» уже разошлось с революционной эмиграцией и легко могло быть для этого использовано.²³ То обстоятельство, что он был фактическим редак-

²¹ Д. И. Заславский. М. П. Драгоманов. М., 1934, стр. 214.

²² Там же, стр. 212—214.

²³ М. К. Лемке. Рукопись «Святая Дружина», стр. 826 (л. 872). Представление о планах «Дружины» в издательской сфере и о месте, которое занимало «Вольное слово» в системе ее изданий, дает черновая запись Шувалова

тором этого издания, Драгоманов скрывал вплоть до ликвидации «Дружины», зато в № 51, появившемся 23 декабря 1882 г. (н. ст.) сейчас же после роспуска этой организации, было помещено ложное объявление о том, что «с 1 января 1883 г. редактирование „Вольного слова“ переходит к Михаилу Петровичу Драгоманову».

Несмотря на широко известные попытки разоблачения его деятельности со стороны различных представителей эмигрантских кругов, в том числе и связанных с «Дружиной» (Шувалов считал в интересах маскировки выгодными взаимные нападки своей газетной агентуры), Драгоманову в общем удалось сохранить свою репутацию в среде революционной эмиграции почти незапятнанной. Но перед теми очень немногими представителями «Дружины», которые были посвящены в дело (по-видимому, лишь Воронцов, Шувалов, Витте и Мальшинский), Драгоманов свою деятельность в «Вольном слове» объявлял делом не только «государственно важным», но и «славянски великим». В такой причудливой форме «украинофильство» Драгоманова соприкоснулось с реакционным панславизмом Фадеевых, Витте и пр. Фигура «милейшего из реалистов нашего времени», как называл Драгоманов Витте, как нельзя более подходила для роли одного из опекунов «Вольного слова».²⁴ Дело было не в «начинке» для газеты: она изготовлялась собственными руками Шувалова, который с такой ловкостью имитировал различные взгляды, в том числе и «левые», народнического толка, что Драгоманов мог «по-

о способах влияния на общественное мнение. «Переходя засим к вопросу о практическом осуществлении предполагаемого воздействия на настроение общества помощью журналистики, — писал Шувалов, — необходимо установить предварительно следующие несомненные начала:

1) что газета, пользуясь славою официального органа правительства (хотя бы в положении «Нового времени» по отношению к гр. Игнатьеву), тем самым лишена всякого влияния;

2) что газета, хотя и не пользующаяся таковою славою, но издающаяся по программе, вполне совпадающей с политической программой правительства, не в состоянии оказать требуемого давления на общественное мнение;

3) что газета, робко и неопределенно подлаживающаяся под увлечения большинства, ищущая и популярности и благоволения начальства или же уснащенная канцелярскими изделиями благонамеренно-либерального оттенка, не только не принесет пользы, но, напротив того, послужит к умалению обаяния правительства, и без того достаточно затронутого двумя последними министрами внутренних дел;

4) что одна газета, даже весьма умело издаваемая честными, убежденными и безбоязненными людьми, может влиять лишь на некоторую часть общества, склонную и без того думать в духе означенной газеты. Иными словами, для действительного воздействия на общественное мнение требуется целая система газет, из коих одна служила бы к сплочению охранителей, а прочие к разведичению противоположительных партий. Понятно, что при умелом ведении дела нетрудно поднять первую газету рядом удачных литературных побед над последними» (там же, стр. 594, л. 628).

²⁴ Заметим кстати, что в числе других представителей «Дружины» опекал «Вольное слово» А. М. Безобразов, впоследствии главный конкурент Витте — министра финансов — из-за влияния на дальневосточную политику России.

дать к столу» свой «пирог», действительно, «не краснея».²⁵ Подделки Шувалова имели «все шансы походить на правду», и «Вольное слово» было за ним «как за стеной». Что же касается Витте, то его задача состояла в том, чтобы «раздуть» фиктивный Земский союз «там», в России, в частности, в глазах «южан», т. е. сторонников Драгоманова — «украинофилов» маскировка Драгоманова перед которыми как раз и имела наибольшее значение для «Дружины» и внушала наибольшие опасения самому Драгоманову («Представить только, что я скажу южанам, которые сами хитры как бесы»). Между тем «отделение украинофилов» от «Народной воли» представляло собой едва ли не главную цель, поставленную перед «Вольным словом», и им, по мнению «Дружины», достигнутой.²⁶ Для этого-то всего и требовались «славянские взгляды» Витте, уполномоченного «Дружины» по южному району, который был к тому же еще и «земец». Это последнее его качество было не менее подходящим для «шефства» над «Вольным словом», нежели первое. Здесь мы должны еще раз коснуться вопроса о фиктивном характере Земского союза и о том, почему «Вольное слово» объявило себя его органом не раньше и не позже 15 мая 1882 г. До сих пор мы объясняли это лишь ясно обозначившимся к этому времени разрывом «Вольного слова» с революционными элементами и желанием «Дружины» перепробовать земцев «на оселке благонадежности». Но существовала еще одна сторона дела. Земский союз был фикцией, имевшей, однако, все основания походить на правду на фоне начавшегося с конца 70-х годов оживления земского движения. Даже в консервативно-реакционном лагере в это время были в большой моде земские проекты. Разумеется, эти проекты и земские программы либералов преследовали разные цели. Все дело заключалось в том, в чьих руках быть земству. Один из земских проектов был выдвинут в 1879—1880 гг. теми самыми кругами, в которых зародилась идея создания «Дружины». Автором его явился уже упоминавшийся нами генерал Р. А. Фадеев, издавший в 1881 г. в Лейпциге на русском языке «Письма о современном состоянии России».²⁷ Действуя в соавторстве с остававшимся неназванным Воронцовым-Дашковым, Фадеев выразил в «Письмах» взгляды определенной политической группы, борющейся против «конституционных» проектов Лорис-Меликова и влияния сторонников княгини Юрьевской. Как и в своей книге 1874 г. «Русское общество в настоящем и буду-

²⁵ Шувалов, как установил М. К. Лемке, регулярно посылал в «Вольное слово» свои статьи. Помещались они без подписи или под псевдонимами как получаемые от подпольной земской организации.

²⁶ См. «Отчетную записку» «Дружины», опубликованную П. А. Садиковым в «Красном архиве» (т. 2 (21), 1927, стр. 210).

²⁷ Первое из этих писем было датировано 11 апреля 1879 г., последнее, двенадцатое, — 6 апреля 1880 г. Как видно из предисловия к книге, письма были изданы с изъятиями.

шем (Чем нам быть?)», Фадеев рассматривал земство, отданное всецело в руки «цензового дворянства», в качестве самой надежной опоры самодержавия. Резко осуждая бюрократию как препятствующую эффективной борьбе с революционным движением, Фадеев предлагал расширить права земств с последующим образованием всероссийского совещательного земского собора.²⁸ А пока он выдвигал идею добровольного «охранительного общества» для борьбы с «нигилистами».²⁹ Таким образом, эти земские проекты и замысел образования «Дружины» имели общие идейные истоки. Это, кстати сказать, придавало правдоподобность возникшей позднее версии о связи между «Дружиной» и Земским союзом или даже о том, что он существовал чуть ли не в ее составе.

«Святая Дружина» — сообщество «взволнованных лоботрясов», как назвал ее членов М. Е. Салтыков-Щедрин, оказалась единственным средством для расширения социальной базы самодержавия, которое самые ревностные его сторонники и охранители смогли не только предложить, но и испытать на деле. Что же касается проектов созыва Земского собора, то они потерпели крах. И произошло это, как нам представляется, не без участия руководителей «Дружины».

Известно, что весной 1882 г. министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев выступил со своим проектом созыва Земского собора. В начале мая план этот, казалось, был совсем близок к осуществлению, но 4 или 5 мая в настроении Александра III, раньше соглашавшегося с Игнатьевым, произошел перелом, и к концу этого месяца при активном участии Победоносцева план созыва Земского собора был провален, а сам Игнатьев уволен в отставку.³⁰ Как бы ни были сложны и многообразны причины провала этого плана, нельзя не поставить его в хронологическую связь с некоторыми действиями «Дружины». Как известно, между ее руководством и Министерством внутренних дел происходила постоянная борьба. 4 мая Игнатьев встретился с Воронцовым-Дашковым и Шуваловым и, по-видимому, получил от них за свое согласие на сохранение «Дружины» обещание поддержки выдвинутого им проекта.³¹ Но вступая в это соглашение, не вела ли «Дружина» с Игнатьевым двойную игру? 2 мая, всего за два дня до встречи с министром внутренних дел, Воронцов-Дашков в специальном письме к Александру III отозвался об Игнатьеве, как о человеке, «окончательно» утратившем свой престиж и потому

²⁸ Р. А. Фадеев, Собрание сочинений, т. 3, Письма о современном состоянии России, СПб., 1889, стр. 81.

²⁹ Там же, стр. 15.

³⁰ См.: П. А. Зайончковский. Попытка созыва Земского собора и падение министерства Н. П. Игнатьева. История СССР, 1960, № 5, стр. 126—139.

³¹ Там же, стр. 136.

ухватившемся «за последнее в запасе оставшееся средство, которое может воскресить или окончательно отравить историческую самодержавную Россию — это созыв всероссийского Земского собора». Воронцов и сам выразил убеждение, что если «самодержавию суждено уцелеть, конечным его выражением будет всероссийский совещательный Земский собор, созываемый в особых случаях для большого единения царя с землей». Но только не тот собор, с проектом которого выступает Игнатъев. И тут Воронцов не пожалел красок, чтобы совершенно дискредитировать в глазах Александра III политику министра внутренних дел. «Созвать тот театральный собор, о котором ныне мечтает гр. Игнатъев, — писал Воронцов-Дашков царю, — без твердо определенного, государственного плана действий, без приготовления почвы, без учреждения правительственной власти на местах, — значит свалить те последние шаткие основания, на которых еще держится русское самодержавие и столкнуть в бездну, из которой не подняться. Театральными представлениями граф Игнатъев никого больше не надует, Россия в нем изуверилась совершенно... политика гр. Игнатъева основана на изворотах и на лжи».³² Написанное с нарочито «смелой» откровенностью и резкостью и рассчитанное на то, чтобы запугать царя, письмо Воронцова-Дашкова, разумеется, было только одним из средств высадить ненавистного дружинника Игнатъева из министерского кресла. А не использовала ли «Дружина» для достижения этой же цели в числе других средств и фальшивый голос «Вольного слова»? Ведь № 36 «Вольного слова», вышедший в Женеве 1 мая (н. ст.), в передовой статье которого Александру III в вызывающей манере давался совет отказаться от абсолютизма, сопровождавшийся рассуждениями насчет слабости умственных способностей самодержца, наконец, попал в Петербург за несколько дней до падения Игнатъева. А 15 мая (н. ст.), т. е. накануне встречи Воронцова-Дашкова и Шувалова с Игнатъевым, в Женеве вышел уже № 37 газеты, в передовой статье которого «Вольное слово» объявляло себя органом «Земского союза», или, как он был полностью назван, «Общества Земского Союза и самоуправления». Статья была выдержана в самых «революционных» выражениях («освобождение от гнета абсолютизма», «перейдем прямо к начертанию системы борьбы с правительством»). Опубликованная ранее «Вольным словом» (№ 20, 20 декабря/8 декабря 1881 г.) без точного указания ее принадлежности программа была теперь объявлена программой Земского союза, который де «будет готов и к побуждению силой». Нам представляется, что эти номера «Вольного слова» могли сыграть в провале Игнатъева некоторую роль. В самом деле, не мог же царь показать себя настолько слабым, чтобы пойти навстречу требованиям земцев, какая-то часть которых

³² ЦГАОР, ф. 677, оп. 1, д. 741, лл. 106—107.

только что была открыто объявлена от ее собственного имени подпольной группой в России, издающей революционный орган в эмиграции. Ведь истинный характер «Вольного слова» был известен в России лишь самому узкому кругу лиц.

Если, таким образом, руководство «Дружины» приложило руку к устранению Игнатъева, то в конечном итоге оно просчиталось. Дни «Дружины» были сочтены, и вскоре после отставки Игнатъева она была распущена. Оставила ли «Дружина» какой-либо след в политической жизни России — сказать трудно, но для карьеры таких своих членов, как например Витте, она имела немалое значение. Несомненно, что своей деятельностью в «Дружине» Витте обратил на себя внимание и установил связи, которые в конечном итоге привели его на министерский пост. Связи эти долго не порывались. С одной стороны, Витте продолжал пользоваться поддержкой Воронцова-Дашкова даже и после того, как тот в 1897 г. перестал быть министром двора.³³ С другой стороны, издававшаяся Мальшинским в 1896—1900 гг. в Петербурге газета «Народ» регулярно получала от Витте — министра финансов — скрытые субсидии. Это разоблачил в своем журнале «Русский труд» (№№ 39 и 42) С. Ф. Шарапов,³⁴ который был связан с Витте со времени их совместного сотрудничества у Аксакова в «Руси», был взят Витте на службу в Министерство финансов, но затем, уйдя со службы, выступал в печати против политики Витте. Мальшинский же в своей газете, как бы продолжая литературное сотрудничество времен «Дружины», наоборот, отстаивал политику Витте как «верную и чисто русскую».³⁵

Сам Витте уже в отставке охотно и часто упоминал о влиянии на свои взгляды Фадеева, о своем былом увлечении славянофильством, словно забывая при этом основные устои экономической политики, проводившейся им в течение 10 лет на посту министра финансов.³⁶ Впрочем, эволюция «взглядов» и «убеждений» вообще давалась Витте без особого труда. Это ярко проявилось, в частности, и тогда, когда он обратился к земской теме, находясь на вершине власти.

Может быть, в 1882 г. высказывания на земскую тему в провозационной газете и не сыграли своей роли в провале земской программы Игнатъева, но что спустя 17 лет Витте использовал их

³³ См. письма Витте Воронцову-Дашкову в ГБА (ф. 58, раздел II, папка 45, д. 1 и др.).

³⁴ См. изложение этого дела в газете «Народ» 17 (29) октября 1899 г.

³⁵ Народ, 1899, 1 (13) июля.

³⁶ Интересно, что в 80-х годах Витте выступал в печати как противник капитализма в России. 19 января 1885 г. он опубликовал в № 3 аксаковской «Руси» статью «Мануфактурное крепостничество», в которой, в частности, писал: «Неужели необходимость увеличения отвлеченного „богатства страны“ посредством развития русских мануфактур поведет и у нас к ломке нашего исконного строя, к обращению хотя бы части русского народа в фабричных автоматов, несчастных рабов капитала и машин?» (стр. 18).

для дискредитации земских проектов И. Л. Горемыкина, — несомненный факт. В 1899 г., продолжая полемику с министром внутренних дел Горемыкиным по вопросу о введении земских учреждений в Западном крае, Витте предпринял составление обширной записки о земстве, имея в виду доказать несовместимость его с самодержавием. Записка эта была им составлена с помощью А. И. Путилова и Н. Н. Кутлера. Участвовал в этом и профессор П. П. Цитович, издававший в 1880 г. реакционную газету «Берег», в которой сотрудничал пресловутый Мальшинский.

В. И. Ленин, посвятив этой записке специальную статью «Гонители земства и аннибалы либерализма», показал сущность затеянной Витте и Горемыкиным домашней ссоры «в пределах одной шайки»³⁷ и особые цели, которые преследовал в этом деле Витте. Как писал В. И. Ленин, Витте «решил особенно выставить свою пронидательность и преданность самодержавию составлением обвинительного акта против земства».³⁸

В нашу задачу не входит подробный разбор записки Витте и обстоятельств ее появления. Как известно, эта секретная ведомственная записка³⁹ попала за границу и была там опубликована.⁴⁰ Мы не располагаем никакими доказательствами того, что к проникновению записки за пределы официальных кругов был причастен сам Витте, как это оказывалось во многих аналогичных случаях. Но стоило ей появиться в свет за границей, как П. Б. Струве, написавшему под псевдонимом Р. Н. С. предисловие к заграничному изданию, стало известно (не от самого ли Витте?) о беседе, которую имел об этой записке с Витте и с другими министрами И. П. Шипов. Сущность сказанного Витте в этой беседе сводилась к тому, что он де не враг земства, а подкреплялось это ссылкой на столь враждебный самому Витте источник, как Плеве, который уверял Шипова, что Витте «расположен к земству» в большей мере, нежели все остальные министры.⁴¹

Как впоследствии при освещении в различных инспирированных произведениях своих действий по вопросу о манифесте 17 октября Витте, всячески афишируя свою преданность самодержавию

³⁷ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 51.

³⁸ Там же, стр. 25—26.

³⁹ Отпечатанная типографским способом под грифом «Совершенно секретно» (каждый экземпляр нумеровался), записка носила название «Объяснения министра финансов на записку министра внутренних дел о политическом значении земских учреждений» (ЦГИА СССР, Коллекция печатных записок, № 219).

⁴⁰ Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899) с предисловием и примечаниями Р. Н. С. Печатано «Зарей». Stuttgart, 1901.

⁴¹ Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте. 2-е изд. [редакции «Освобождения»]. Stuttgart, 1903, Предисловие ко второму изданию, стр. LIII—LIV.

вию, одновременно пытался выставить себя в глазах буржуазии «конституционалистом», так и теперь в записке о земстве, предназначенной прежде всего к тому, чтобы засвидетельствовать свою преданность самодержавию, Витте допустил известную двусмысленность. Выдвинутый им тезис о несовместимости самодержавия и земства был так сформулирован, что оставлял ему возможность при случае выдавать себя и за сторонника ограничения самодержавия. И Струве был, пожалуй, первым, клюнувшим на эту удочку. В своем предисловии он расценил записку Витте как подрывающую основы самодержавия, за что и был подвергнут В. И. Лениным сокрушительной критике, которой он ничего не мог противопоставить, кроме утверждения о «просветительном и агитационном значении» виттевской записки.⁴²

Двусмысленность, которую Витте придал записке, прикрывалась наукообразными рассуждениями, большим количеством цитат из различных источников, научных сочинений и ссылок на них.⁴³ В историческом очерке земского движения большое место занимали земские взгляды Драгоманова, земская «программа» «Вольного слова», а также история пресловутого Земского союза. В записке Витте, конечно, утверждалось, что Земский союз не только реально существовал, но и сумел организовать в земской среде «довольно дружное движение в пользу введения конституционного образа правления» и что его заграничный печатный орган «Вольное слово» проникал в Россию «контрабандным путем». ⁴⁴ Драгоманов же был представлен не только как «умеренный революционер», но и человек «до тонкости совестливый». ⁴⁵ Весь этот исторический камуфляж бывший деятель «Дружины» наводил с совершенно невозмутимым видом, словно его секретная записка предназначалась для неосведомленной публики, а не для нескольких читателей, которые не могли не знать о литературной деятельности «Дружины». А как же эти читатели, Горемыкин, Плеве, наконец, сам Николай II?

Мало того, Витте без тени смущения переиздал записку о земстве под собственным именем и со своим предисловием в 1914 г., уже после того, как он сам через посредство А. Руманова предал

⁴² Там же, предисловие к первому изданию, стр. XII (примечание, сделанное для второго издания).

⁴³ Двусмысленность этой записки выступает особенно ярко, если сопоставить ее с первой запиской Витте на ту же тему, составленной в 1898 г. (ЦГИА СССР, Коллекция печатных записок, № 219). В ней Витте с большой определенностью и в оголенной форме (безо всяких ссылок на ученые авторитеты) высказывался за ограничение прав земства.

⁴⁴ С. Ю. Витте. Самодержавие и земство, СПб, 1908, стр. 99—101.

⁴⁵ Эти выражения были процитированы из известной полицейской записки «О противоправительственных сообществах не столь вредных», опубликованной в 1883 г. в эмигрантском издании «Общее дело». Как считал Лемке, предназначение этой записки состояло в том, чтобы засвидетельствовать реальность существования и нелегальность Земского союза (М. К. Лемке. Рукопись «Святая Дружина», стр. 1016, л. 1075).

гласности свое участие в «Дружине», а провокационный характер «Вольного слова» стал широко известен в литературе.⁴⁶ Правда, Драгоманов оставался в сущности вне подозрений, а собственную причастность к литературно-провокационной деятельности «Дружины» Витте, разумеется, держал в тайне, как и свои связи с Драгомановым.